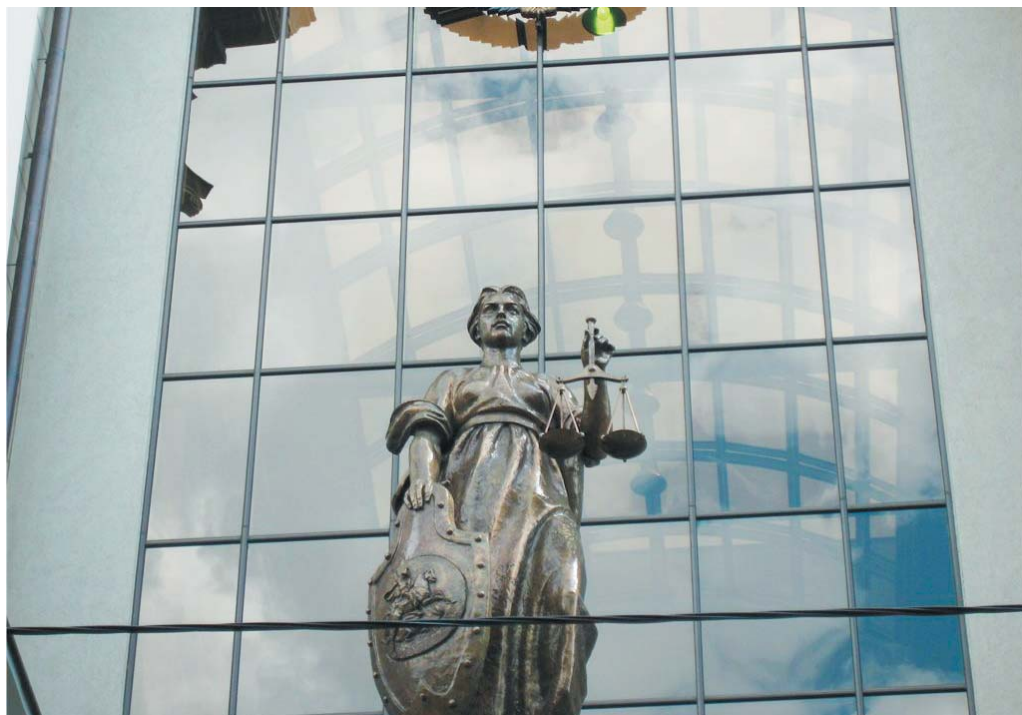

ФЕМИДА БЕЗ ПОВЯЗКИ

Денис ВОРОНЕНКОВ, член Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции

Не так давно проходил мимо здания Верховного суда России. Над входом стоит статуя богини правосудия Фемиды. Общепринято, что Фемиду изображают с весами в одной руке, с мечом – в другой и с повязкой на глазах.

Весы – древний символ меры и справедливости. Меч богини – обоюдоострый, поскольку закон не только карает, но и предупреждает. Повязка на глазах символизирует беспристрастность. Правосудие не должно видеть различия между людьми, оно «слепо» в том смысле, что воздаст лишь по праву, по закону.

В ходе реконструкции здания Верховного суда РФ над входом установлена статуя Фемиды работы скульптора Александра Цигалья. У нее отсутствуют два атрибута: повязка на глазах – символ беспристрастия и меч – символ возмездия. Вместо меча в руке у богини оказался щит, причем с гербом Москвы.

Подобный образ Фемиды «российского разлива» – не какой-нибудь «правоваятельный авангард». Оказывается, в Верховном суде России придумали свою «богиню правосудия!» В суде сказали, что «наша Фемида не может быть с закрытыми глазами,

поскольку она все видит и все знает». И древнегреческих канонов решено не придерживаться.

Как же оценивается работа российского правосудия под сенью такой «новаторской» Фемиды? В конце минувшего 2012 г. независимая организация World Justice Project (WJP) составила очередной рейтинг «Индекс верховенства закона», в котором ранжируются страны, отвечающие понятию «правовое государство». 97 стран оценивались по восьми показателям. Вместе с Россией низшие строчки рейтинга занимают Уганда, Мадагаскар, Никарагуа...

На взгляд многих экспертов, немалую роль в том, что Россия стала своего рода «Наутилусом», опустившимся на правовое «дно» цивилизованного мира, сыграла наша судебная система, отбросившая беспристрастность, независимость правосудия как бесполезный «древний» атрибут и подарившая не нужную ей «повязку Фемиды» нынешней «вертикальной» российской власти для вытирания «крокодиловых слез» по безвременно почившей «суверенной демократии».

Негативные оценки деятельности судов и судей преобладают и в российском обществе. Многие жители нашей страны уверены, что в своих решениях российские судьи меньше всего руководствуются законом, а действуют по указке сверху, ангажированы властью и правоохранительными органами. Так, по данным исследований Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), 19% опрошенных приписывают судам зависимость от мнения прокуратуры, 17% – зависимость от позиции вышестоящего суда, 15% верят в давление на суд со стороны местных властей, а 11% – во влияние на него криминальных авторитетов. При этом

только 7% согласны с утверждением, что судьи выносят свои решения с учетом общественного мнения, а 10% полагают, что они руководствуются личными симпатиями и антипатиями.

Среди общего числа опрошенных ФОМом почти половина россиян (47%) уверены, что суды чаще выносят несправедливые приговоры, и лишь 12% называют их честными и неподкупными. Наиболее критически относятся к отечественному правосудию те, кто поучаствовал в нескольких судах (в этой группе 62% отрицательно оценивают их работу), за ними следуют участники одного судебного разбирательства (51%). Также немало претензий к судебной системе у условного «среднего класса» (доход более 20 тыс. руб. в месяц) и у жителей мегаполисов. В среднем же, по данным ФОМа, отрицательно оценивают работу судов и судей около 40% населения.

Можно сделать вывод, что судебная власть, выделенная в ст. 10 Конституции России как самостоятельная ветвь государственной власти в Российской Федерации, обеспечению независимости которой и ее подчинению только Конституции и федеральным законам посвящена целая глава 7 Основного закона страны, так и не приобрела предназначенный ей статус. И это несмотря на принятые в развитие вышеуказанных положений Конституции многочисленные федеральные законы, регулярно утверждаемые четырехлетние Федеральные целевые программы «Развитие судебной системы России» и многомиллиардные бюджетные затраты.

В России существует большая бюрократическая структура со сложным циклом принятия решений. Принцип разделения властей официально

ДЕНИС НИКОЛАЕВИЧ ВОРОНЕНКОВ родился 10 апреля 1971 г. в Горьком. В 1988 г. с отличием окончил Ленинградское суворовское военное училище. В 1995 г. с отличием и золотой медалью окончил Военный университет Министерства обороны. В 1996 г. окончил юридический факультет Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина.

В 1999 г. в Московской академии МВД России защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Правовой нигилизм и правовой идеализм (теоретико-правовое исследование)». В 2002 г. Минобробразования России присвоено ученое звание доцента. В 2009 г. в Российской правовой академии Минюста России защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Теоретические и нормативные основы судебного контроля в механизме разделения властей».

В 1995–1999 гг. проходил военную службу на различных должностях в органах Военной прокуратуры РФ. С 2000 г. – старший референт в Государственной Думе Федерального Собрания РФ. В 2001 г. работал советником генерального директора Судебного департамента при Верховном суде РФ. С 2001 по 2006 г. – заместитель мэра города Нарьян-Мара Ненецкого автономного округа РФ, затем – заместитель главы администрации НАО РФ по недропользованию, первый заместитель главы администрации НАО по работе с Правительством РФ и Федеральным Собранием РФ.

С 2006 г. работал доцентом, профессором, а с февраля 2010 г. – заведующим кафедрой теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург). Являлся руководителем Управления Международного конгресса промышленников и предпринимателей по взаимодействию с Правительством и Федеральным Собранием РФ.

В 2011 г. избран депутатом Государственной Думы VI созыва.

Женат, имеет троих детей.

признан, конституционно закреплен и в той или иной мере применяется в построении и функционировании государственных институтов. Однако необходимый для его полной реализации механизм сдержек и противовесов, позволяющий сбалансировать различные ветви власти, еще находится в начальной стадии формирования. Создание такого механизма – одна из важных гарантий демократического развития России.

Любые ограничения конституционных прав должны отвечать требованиям справедливости, являться адекватными, соразмерными и необходимыми. В этом смысле российская судебная власть остается традиционно слабым звеном. Продекларированные Конституцией принципы судостроительства реализуются с трудом. И в данном случае ощущается противодействие и давление других ветвей власти, нередко все еще посягающих на самостоятельность судебной власти и независимость суда.

В связи с этим хотелось бы сказать, что объявить о создании судебной власти и создать ее – совсем не одно и то же. Ибо судебная власть – это не новая вывеска на существующей и даже усовершенствованной судебной системе. Создание самостоятельной судебной власти – это качественный скачок, означающий появление независимой, суверенной власти, равновеликой законодательной и исполнительной властям. Это формирование органа, осуществляющего наряду с правосудием по гражданским, уголовным и административным делам функцию конституционного контроля нормотворческой деятельности других ветвей власти и тем самым влияющего на обеспечение прав личности, интересов гражданского общества,

демократических форм правления государства.

Да, за эти 20 лет была проведена масштабная судебная реформа. В Конституции страны закреплены нормы о разделении властей и выделении судебной власти в самостоятельную ветвь государственной власти. Суд номинально отделен от администрации, сохраняются конституционные предпосылки к его превращению в реальную ветвь власти. Принята Концепция судебной реформы, появился Закон о статусе судей в РФ, провозгласивший их беспристрастность, независимость и несменяемость. Возрожден суд присяжных, возникли арбитраж и мировой суд, приняты новые судостроительные и процессуальные законы и т.д. При всех существующих сложностях защита граждан и юридических лиц от административного произвола стала реально осуществимой. Номинально признаны, частично встроены в отечественное законодательство и оказывают влияние на правоприменительную практику международные нормы об основных гарантиях прав лица, подвергнутого задержанию или аресту.

Однако с 2000 г. начали проявляться отчетливые контрреформаторские тенденции. Действующая редакция Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и Уголовно-процессуальный кодекс РФ (2002 г.) делают фактически номинальным судебный контроль над практикой выявления и расследования преступлений. Приняты законы, ограничивающие статус судьи, введена их дисциплинарная ответственность, необратимые явления проникли в систему суда присяжных и мирового суда. От председателей судов и их заместителей всецело зависят карьера,

жалованье и социальные гарантии рядовых судей, которые в результате могут ощущать себя не столько независимыми служителями закона, сколько винтиками огромной машины судопроизводства. Повсеместным стало избавление от профессионалов, в фаворе оказались «послушные» судьи, принцип законности оказался не востребован. Исполнительная и законодательная власти активно встраивают власть судебную в свою «государственную вертикаль». В этом процессе первую скрипку играет исполнительная власть.

В документе под названием «Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», утвержденной Правительством России в 2012 г., констатируется: «Реализуемый комплекс государственных мер в сфере развития судебной системы при положительной динамике отдельных показателей пока не оказал решающего позитивного влияния на доверие граждан к правосудию. Это подтверж-

дается данными, получаемыми в ходе опросов общественного мнения. В частности, согласно этим данным, только 27% граждан России доверяют органам правосудия, при этом 38% органам правосудия не доверяют».

Особенно тяжело «больна» система судов общей юрисдикции, о чем иногда тоже проговариваются руководители разного уровня. Но намного лучше «на собственной шкуре» это прекрасно чувствуют, видят и понимают простые россияне. Выражения «басманное правосудие», «красногорское правосудие» практически вошли в обиход и наглядно иллюстрируют то, что судебная система является одной из самых проблемных структур в современной российской государственности.

Вопреки многочисленным попыткам реформировать этот институт, несмотря на затраченные солидные средства, система судов общей юрисдикции в своем нынешнем положении остается серьезным препятствием на пути социально-экономических

реформ. Она пятнает имидж России за рубежом, вызывает отторжение в обществе, провоцирует недоверие россиян к власти в целом.

За примерами далеко ходить не надо.

24 января 2008 г. владелец торговой сети «Арбат-Престиж» (годовой оборот около 10 млрд руб.) Владимир Некрасов был задержан и затем арестован в связи с возбуждением уголовного дела по неуплате налогов организацией. В дальнейшем его компания была разорена и прекратила свое существование. Через полтора года Некрасов и его «товарищ по несчастью» предприниматель С. Могилевич были освобождены из-под стражи «в связи с истечением срока содержания». В апреле 2011 г. кассационная инстанция подтвердила неправомочность налоговых претензий к компании, после чего суд принял решение о прекращении уголовного дела в отношении бывшего гендиректора «Арбат-Престижа» В. Некрасова «в связи с отсутствием состава преступления».

Почему же сидел в СИЗО невиновный Некрасов? Никто не объяснил общественности – ни судья, санкционировавший это беззаконие, ни его

судебные начальники вплоть до «непотопляемого» служителя Фемиды В. Лебедева.

За что и почему свыше двух лет незаконно содержали под стражей главу Департамента оперативного обеспечения Госнарконтроля генерал-лейтенанта Александра Бульбова, ветерана войны в Афганистане, награжденного высокими государственными наградами, представлявшегося за участие в боевых действиях к званию Героя Советского Союза? Кто-нибудь из «жрецов правосудия» вразумительно объяснил это обществу или хотя бы самому Бульбову? Никто!

Чем объяснить многолетнее пребывание в СИЗО полковника ГРУ Генштаба Владимира Квачкова, арестованного в 2005 г. по обвинению в покушении на А. Чубайса? После трехлетнего заключения он был оправдан судом присяжных. 22 декабря 2010 г. Верховный суд России оставил в силе этот оправдательный приговор. Но на следующий же день Квачков был вновь арестован – теперь уже по обвинению в подготовке вооруженного мятежа и терроризме – и до настоящего времени находится в «Лефортово».

А погибшие в СИЗО юрист Сергей Магнитский (2009 г.) и директор московской школы Андрей Кудояров (2011 г.), которые по состоянию здоровья должны были находиться в больнице, а не в камере изолятора? Их смерть тоже не в последнюю очередь на совести судей и следователей, санкционирующих и продлевающих им содержание под стражей. Но опять же никто за это не ответил. Только американский Конгресс «подсобил» российским «стражам порядка» – лишил фигурантов «списка Магнитского» возможности въезда в США и других благ заокеанской жизни. Но ведь они и им подобные – в России, никакой Конгресс, а уж тем более Госдума им не страшны. И они продолжают «отправлять правосудие». Только вот куда они его «отправляют»?

И таких примеров – не перечислить. А ведь основной целью уголовного преследования является в первую очередь охрана прав и свобод человека и гражданина.

Самым заметным и болезненным проявлением неблагополучия в сфере отечественного правосудия является так называемый обвинительный уклон, который уже давно имеет масштабы, позволяющие определять его как репрессивно-карательную направленность российской юстиции. Обыкновение судей брать у следователей флешку с заготовленным постановлением о санкционировании следственных действий или обвинительным заключением в большинстве случаев не секрет. Действуя по принципу «Если дело завели – значит, виновен», судья просто переносит текст обвинительного заключения на бланк приговора.

Это означает, что последней инстанцией уголовного судопроизвод-

ства, решающей вопросы виновности или невиновности попавшего в «жернова» правосудия человека, а зачастую и квалификации инкриминируемого ему деяния, оказывается не судья, а следователь или сотрудник правоохранительной структуры, оформивший материалы о правонарушении. То есть правосудие вершит не суд, легитимно уполномоченный на это Конституцией РФ и законами, а «тандем» следователя с оперативным работником, деятельность которых весьма грешит нарушениями. Судья же лишь фиксирует результаты оперативно-розыскной и следственной деятельности и только в исключительных случаях, угрожающих служебному положению судей, осмеливается на принципиальное несогласие со стороной обвинения.

С моральной точки зрения деятельность современной российской юстиции, в том числе и судов, не выдерживает никакой критики. Ничтожно малое число оправдательных приговоров невозможно объяснить даже самой тщательной и компетентной организацией уголовного следствия.

Поэтому немалую часть российского тюремного населения составляют люди, виновность которых сомнительна, преувеличена либо просто придумана и сфабрикована заинтересованным должностным или иным лицом. Отечественный суд все больше становится карательным административным органом, небрежно закамуфлированным под третью ветвь государственной власти.

Именно поэтому такие основополагающие признаки суда, как его независимость от сторон процесса и справедливость выносимых им решений, очень часто подвергаются сомнению в обществе. Предвзятость многих громких судебных решений очевидна. Более того, там, где решение о виновности принимает суд присяжных, имеет место практика «оперативного сопровождения процесса». Зачастую это фактически означает скрытое давление на присяжных, оказание влияния на их подбор.

УК РФ однозначно относит фальсификацию и фабрикацию уголовных дел, давление на судей и других участников процесса к преступным деяниям. Но система устроена таким образом, что эти статьи многократно нарушаются в процессе профессиональной деятельности правоприменителей. Скрытая преступность в сфере преступлений против правосудия сегодня представляется запредельно высокой, затрагивающей значительное число тех, кто охраняет правопорядок. При этом фальсификаторы обычно уверены не только в своей полной безнаказанности, но и в том, что их работа выполнена на «отлично».

В то же время речь в данных случаях идет о преступлениях, которые (при наличии государственной воли) могли бы иметь высокую раскрываемость

и перспективу полного исчезновения. Однако в силу защищенности оперативных органов государственной тайной эти действия не завершаются необходимым в таких случаях возбуждением уголовных дел в отношении конкретных оперативников и их начальства. Таким образом, налицо скрытая, но массовая, системно организованная преступность среди сотрудников правоохранительных органов и судей, притягивающих обвинения и обвинительные приговоры «за уши». Фабрикация дел и вынесение заведомо неправосудных решений представляют собой вполне распространенную сегодня практику.

В немалой степени именно поэтому правосудие в нашей стране выборочно. Одних, даже за самые тяжкие преступления, оно может слегка пожурить, назначить смехотворное условное наказание или вовсе оправдать. К другим за самые незначительные нарушения относится со всей строгостью. Укравший миллионы не просто освобождается от ответственности. Он может продолжать занимать высшие государственные должности или руководить крупной госкорпорацией. Укравший мешок картошки или вообще невиновный человек изолируется от общества и отправляется за колючую проволоку.

С санкции Мосгорсуда более полугода находится в СИЗО активист «Левого фронта» Владимир Акименков. За него давали личные поручительства депутаты Госдумы, известные правозащитники и писатели. Молодой человек страдает тяжелым заболеванием глаз, даже был освобожден от службы в армии, в тюрьме теряет зрение. Но он будет находиться за решеткой и дальше, поскольку, по версии обвинения, 6 мая на Болотной

площади якобы кинул в сторону цепи сотрудников правоохранительных органов древко флага и выкрикивал лозунги.

Аналогичная ситуация – со студентом МГУ Ярославом Белоусовым, который там же, на Болотной, якобы бросил в сторону сотрудников ОМОНа «неустановленный предмет» и опять же «выкрикивал лозунги».

Невозможно поверить, что Акименков, Белоусов и другие такие же молодые люди с активной гражданской позицией нанесли больший урон государству, чем экс-министр обороны Сердюков с его «боевой подругой» Васильевой и иные высокие чиновники исполнительной власти, разворовывающие бюджетные деньги. Но почему-то закон не для всех одинаков: молодые люди, участвовавшие в акции протеста, сидят в камере, а высокопоставленные дельцы, уворовавшие миллиарды на государственной службе, жируют на свободе. Список этих деятелей можно продолжать бесконечно, причем не только на федеральном, но и на региональном уровне.

У большинства граждан складывается мнение: это типичные примеры круговой поруки, в которой судьи занимают не последнее место. Раз покрывают один другого, значит, все «одним миром мазаны». Поэтому что ни день, то «новость» – опять проворовались!

Резко противоречивую реакцию вызвал в разных частях России приговор чемпиону мира по боевому самбо Расулу Мирзаеву, удар которого стал смертельным для Ивана Агафонова. По мнению многих юристов, дело Мирзаева вполне можно было квалифицировать как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть (ст. 111 ч. 4 УК РФ, до 15 лет лишения свободы). Именно с таким обвинением дело и ушло в суд. Но там оно было перевалифицировано на ст. 109 ч. 1 – «Причинение смерти по неосторожности» (до двух лет тюремных нар).

В итоге Мирзаеву дали даже не два года тюрьмы, а два года ограничения свободы – абсолютно символический вид наказания. А поскольку осужденный отсидел в СИЗО больше года, суд посчитал его полностью искупившим вину и выпустил на свободу.

Можно подумать, что судья увидел какие-то смягчающие обстоятельства, которые не заметили следователи?

Тогда почему тот же судья не увидел никаких смягчающих обстоятельств в деле московского предпринимателя Максима Лузянина, который никого не убивал – ни умышленно, ни по неосторожности? Как явствует из обвинительного заключения, Лузянин «применил насилие» в отношении бойцов отряда спецназа, охранявших 6 мая 2012 г. правопорядок во время проведения оппозиционной акции на Болотной площади. В результате

чего один из пострадавших «получил повреждение зубной эмали». Лузянин признал свою вину и даже оплатил «жертве насилия» услуги стоматологической клиники. Тем не менее он получил четыре с половиной года лишения свободы.

Чем объясняется столь очевидное «косоглазие» правосудия? Почему судья, как Попандопуло в известном фильме, выбросил «повязку Фемиды» из своего «гардеробчика»? Да все потому, что многие юристы уже выявили закономерность приговоров по громким уголовным делам: если во власти заинтересованы в том, чтобы подсудимый или подследственный «сел», то он точно «сядет». И наоборот.

Типичный образчик «закона джунглей»: кто сильнее, у кого больше власти (или влияния на власть), тот и прав. Формула, идеальная для сильных мира сего. Но лишь до тех пор, пока они на коне. Как только их конь «спотыкается», верная им доселе Фемида тут же переходит на службу к новым хозяевам джунглей. Она у нас, как на фасаде Верховного суда, не слепая: «все видит и все знает». Пример мэра Москвы Юрия Лужкова – великолепное доказательство этой аксиомы. Руководил он Москвой – все столичные суды «прогибались» под него, как только перестал руководить – «спружинили» в обратную сторону. Мэр даже не стал опротестовывать в суде свое увольнение по весьма сомнительным основаниям. Результат ведь заранее известен.

Коррупция стала болезнью государственной, в том числе и судебной, власти. Любые антикоррупционные начинания при отсутствии независимых судов заранее обречены на провал. Вместо мотивов обеспечения законности судьи руководствуются целой совокупностью иных мотивов,

прямо или косвенно связанных с их собственной коррумпированностью или же несвободой принятия судебного решения. В то же время криминализация аппарата власти будет нарастать в условиях, когда суд не обособлен от этого аппарата и не может (по инициативе заинтересованных лиц) эффективно контролировать его деятельность. Все это будет усугубляться и окончательной деградацией демократических институтов контроля администрации. Уже сегодня, по данным Фонда защиты гласности, эта деградация очевидна: относительно свободная пресса существует лишь в нескольких регионах России, а независимый судебный контроль над аппаратом власти отсутствует повсеместно. Больше всего на свете российский судья боится огорчить вышестоящее начальство или президентских чиновников. А редкие случаи судебной «вольницы» воспринимаются как нарушения «судебной этики и корпоративности», и возмутители безжалостно изгоняются.

Недоверие граждан к системе правосудия приводит к тому, что они все чаще прибегают к самосуду. Широкую известность получила история 2011 г., когда местные жители поселка Сагра Свердловской области, не надеясь на правоохранителей, дали вооруженный отпор приехавшей из Екатеринбурга банде и убили одного из нападавших. В селе Краснополье той же Свердловской области шестеро жителей района учинили самосуд над двумя хулиганами, один из которых убил местного жителя за попытку пресечения хулиганских действий. Не доверяя суду, местные жители вывели нарушителей закона в лес и повесили, став, таким образом, сами преступниками. В Екатеринбурге отец погиб-

шего от передозировки подростка застрелил из охотничьего ружья торговец наркотиками. В Новосибирске пассажиры автобуса забили насмерть карманника.

Ежегодно тысячи россиян становятся жертвами незаконного уголовного преследования и судебных ошибок. Одними из главных причин признаны коррупция, невысокий профессионализм сотрудников следственных органов, а зачастую и судей. Только за 2007 г. право на реабилитацию получили 5265 человек, а число исков с требованием возместить нанесенный вред за несправедливое преследование с каждым годом заметно растет. Если в начале 2000-х гг. таких обращений в суды поступало около 200, то в 2007 г. Минфин получил уже более 1 тыс. исполнительных листов, по которым жертвам правосудия выплатили 120 млн руб.

В мае 2005 г. житель Новосибирска Евгений Лукин отсудил у государства 1 млн руб., отсидев в колонии почти пять лет (был осужден на 12 лет) за убийство, которого не совершал. В ноябре 2005 г. 3 млн руб. присуждены жителю Татарстана Евгению Веденину в качестве компенсации морального вреда за четыре года (из назначенных 15), проведенных в колонии строгого режима также за убийство, которого он не совершал. Рекордную сумму в 107 млн руб. отсудил в декабре 2007 г. новосибирский предприниматель Сергей Бурков, имущество которого за время следствия по «липовому» делу было разграблено и сожжено. Около 20 млн руб. в общей сложности отсудили в 2006–2007 гг. в качестве компенсации за незаконное уголовное преследование бывшие обвиняемые в убийстве журналиста «МК» Дмитрия

Холодова П. Поповских, А. Сорока, К. Мирзаянц и К. Барковский.

Кроме того, граждане стали все чаще искать справедливости в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ): в 2007 г. россияне отсудили у своей страны 4,3 млн евро (в том числе по искам о реабилитации).

Отдельного внимания заслуживает позиция российских судов всех уровней при рассмотрении дел о нарушениях на выборах. И заключается эта позиция в том, что судьи, за очень редким исключением, не видят злоупотреблений со стороны власти, применяющей административный и любой другой, вплоть до криминального, ресурс для обеспечения победы своих кандидатов в депутаты, мэры, губернаторы, президенты. Суды тесно «вплетены» в систему давления на оппозицию. Не признают даже явных фальсификаций итогов голосования.

Выборные кампании 2011–2012 гг. продемонстрировали готовность судебных и правоохранительных органов участвовать в борьбе за «победу любой ценой». Подобная круговая порука представителей власти ведет к нарастанию напряженности и конфронтации в обществе.

Вообще-то решение проблемы самостоятельности судебной власти в нынешней России очень напоминает Великую судебную реформу Александра II в XIX в. Надо открыто признать, что мы вновь пытаемся наступить на те же «грабли»: начавшаяся более чем через сто лет новая российская судебная реформа в начале XXI в. может закончиться таким же грандиозным провалом. Особенно если принять во внимание, что истории свойственно повторяться.

В той ситуации, которая имеет место сегодня в России, полицейскому важно выполнить план, прокурору –

показать служебное рвение, судье – избежать опротестования приговора. И все это – любой ценой, даже ценой правосудия. Совершаемые при этом преступления замечать и тем более расследовать никому не интересно – это тормозит и затрудняет работу юстиции, которая все больше напоминает огромную мясорубку, затягивающую в себя все, что под руку попадет. В такой системе, пока она работает целено, как единый организм, просто нет места независимому суду, поскольку независимый суд не имеет возможности принимать решения с ориентировкой на ведомственный и иной внушенный со стороны интерес – он руководствуется только законом.

Сегодняшняя судебная система тоже в значительной степени ведомственная. В ней присутствуют жесткая иерархия, система формального и неформального контроля сверху, клановость с приоритетным назначением «своих», стимуляция неформальных механизмов управления и личной преданности руководителям. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы скандальная ситуация в Мосгорсуде, сложившаяся в связи с отставкой в 2004–2005 гг. ряда судей, их жалобами и публичными выступлениями, в том числе нашумевшим выступлением судьи Ольги Кудешкиной с серьезными и неопровергнутыми разоблачениями в адрес регионального руководства суда.

В итоге Кудешкина была лишена статуса судьи, и в дальнейшем все российские суды отказали в удовлетворении жалобы на это решение. Она обратилась в Европейский суд по правам человека, который в 2009 г. признал, что лишение Кудешкиной статуса судьи представляло собой неправомерное ограничение свободы слова. Ей была присуждена ком-

пенсация в размере 10 тыс. евро. Несмотря на решение ЕСПЧ, Мосгорсуд 18 декабря 2009 г. отказал в пересмотре решений по жалобе Кудешкиной о лишении статуса судьи, а 10 марта 2010 г. Верховный суд РФ оставил это решение без изменения. И такие расправы над «неугодными» судьями, к сожалению, не единичны.

«Вертикаль власти» в ее худшем виде уверенно воцарилась в отечественной судебной системе, ныне демонстрирующей все мыслимые и немыслимые издержки «диктатуры закона», при которой закон истолковывается кем угодно (от участкового до весьма высокопоставленных лиц), но, как правило, не судьей, разбирающим конкретное дело.

При таком суде качество следствия не может быть обеспечено в принципе, поскольку даже то дело, которое «шито белыми нитками», в суде обычно не рассыпается и не служит поводом для частного определения в адрес следствия или дознания. В этих условиях возможно до бесконечности завышать планы по расследованию и передаче в суд уголовных дел, поскольку при угрозе лишения «тринадцатой зарплаты», премий, иных выплат фантазия рядовых правоохранителей может творить чудеса.

Судьи и руководители судов сегодня зависят от властей не только в материально-бытовом (помещение, квартиры и т.д.), но и в карьерном плане. Процедура назначения на должность судьи, председателя, заместителя председателя суда многоступенчатая, достаточно длительная, поскольку связана с многочисленными проверочными мероприятиями. В некоторой степени она прозрачна – до момента поступления материалов в Управление Президента РФ по ка-

дровым вопросам. Вот здесь и начинается произвол. Каждый госчиновник, через которого идут документы на назначение судьи или руководителя суда, найдет возможность воздействия на него.

С целью исключения такого влияния целесообразно создать специальный орган в Судебном департаменте при Верховном суде РФ, в обязанности которого входили бы проверка всех кандидатов, подготовка заключений по полученным в отношении их материалам с соответствующими выводами и рекомендациями, а также ознакомление кандидатов с результатами проверки.

В настоящее время одна из главных проблем – вынесение судьями заведомо неправосудных решений. Корыстно используемая независимость позволяет сегодня российским судам торговать своими решениями беззащитно и без малейшей опаски. Внутри же самого судебского корпуса, к великому сожалению, так и не создана надежная система профилактики нарушений и неотвратимого наказания «нечистых на руку» судей. В нынешних условиях, требуя дальнейшего развития принципа независимости

суда, вряд ли стоит ждать повышения его праведности. Такое утверждение неверно даже в случаях, когда одной из сторон в судебных спорах выступают госструктуры. Действительно, уберите их влияние на суд – и он еще чаще будет вставать на сторону тех, кто готов платить.

Только одно способно гарантировать принципиальное изменение ситуации к лучшему и сделать суд в России справедливым: введение практики жесточайшей ответственности судей. Когда они станут понимать, что реально и публично ответственны за свои решения, то вынуждены будут осуществлять правосудие, не зависящее ни от денег, ни от властей.

Поэтому нужно добиться неотвратимости наказания судей за вынесение заведомо неправосудных решений, лоббизм и протекционизм. Как известно, в воспитании должны работать два фактора: поощрение и наказание. Поощрение – высокая зарплата и льготы – у большинства судей есть, но не работает именно неотвратимость наказания за вынесение заведомо неправосудных решений.

Во всем мире исходным и более фундаментальным признается сначала контроль граждан над властью через механизмы непосредственной демократии (сходы и референдумы), а также механизмы демократии представительной – парламентский контроль. У нас же об этом главном – сначала расстрелянном из танков, а затем урезанном конституционно и законодательно – никто из руководителей страны не говорит ни слова.

Постсоветская Россия являет собой пример государства, в котором де-юре существует классическое разделение властей, но де-факто законодательная, а также судебная власть

в силу различных причин находятся в полной зависимости от власти исполнительной. Такая подневольность влечет за собой ряд негативных последствий как для экономики, так и для общества в целом. В связи с чем в стране время от времени возникают дискуссии о необходимости продолжения судебной реформы.

Нравственные начала, как известно, в обществе в целом и при осуществлении правосудия в частности – основа всего великого. Еще такой классик юриспруденции, как А. Ф. Кони, писал: «Судья, решая дело, никогда не имеет ни права, ни нравственного основания говорить «я так хочу». Он должен говорить «я не могу иначе». Не могу потому, что и логика вещей, и внутреннее чувство, и житейская правда, и смысл закона твердо и неуклонно подсказывают мне мое решение, и против всякого другого заговорит моя совесть как судьи и человека».

Так почему в России должен быть кто-то, кто может заставить судью поступиться своей совестью, кто может уничтожить нравственные начала в обществе?

Нужна политическая воля, чтобы изменить ситуацию в правосудии. Нужна готовность высших политических учреждений отказаться от практики непосредственного контроля над судебной системой. Нужен совершенно иной, более соответствующий реальному состоянию нашего общества взгляд на сущность правосудия, которое не может рассматриваться как инструмент в руках политической власти. Сегодня речь идет не просто об «окультуривании» сферы юстиции, а о масштабном государственном строительстве отсутствующей (присутствующей только на бумаге с текстом Конституции), но жизненно

необходимой обществу ветви власти. Именно поэтому необходимы реальные и последовательные действия политического руководства страны, направленные на завершение так и не состоявшейся до сих пор реформы отечественного правосудия.

Самостоятельность и независимость судебной власти – это важнейшее условие благополучного развития нашего общества и государства. Суд должен быть независим от сторон процесса, от чиновников судебного ведомства, от администраций любого уровня и политической конъюнктуры. Судебная система, ныне представляющая собой высшую, но декоративную, по сути, инстанцию репрессивных органов государства, должна обрести значимость независимой ветви власти.

Многие из людей, именующих себя «народными избранниками», обманывают этот самый народ. Их главным политическим достижением является безоговорочная поддержка правительственного курса, а главной отличительной чертой – либо полная безликость, либо показное комедианство. Они послушно по указке сверху принимают законы. Парламентаризм – великое завоевание человечества. Но даже его нам удалось превратить в пародию на «власть народа».

...Когда одного из участников акции протеста приволокли в отделение полиции, а потом в суд, судья спросил у него: «Зачем вы пошли на площадь? Чего вы добиваетесь? Неужели вы надеетесь изменить власть?» Тот ответил: «Я не уверен, что смогу повлиять на власть. Но я убежден в том, что власть не сможет изменить меня».

Именно в этом заключается главная надежда автора: даже если ты один против всех – это не значит, что ты не прав!